

МУРЗИЛКА

Всесоюзная
Библиотека

XX $\frac{63}{11}$

93-2544

3

Димитров, Попов и Танев в Москве.

ПРИВЕТ СТОЙКИМ БОРЦАМ КОММУНИСТАМ!

27 февраля 1934 года прилетели в Москву на самолете три коммуниста — Димитров, Попов и Танев.

Год назад фашисты Германии обвинили их в поджоге рейхстага. Фашисты сами подожгли рейхстаг и свалили вину на коммунистов, чтобы оклеветать коммунистическую партию.

Трудящиеся всего мира выступили на защиту коммунистов. Никто не поверил фашистской клевете. На суде коммунисты смело заявили, что фашистам не удастся запугать их даже смертной казнью и что они будут бороться с фашистами до полной победы. Полной победой будет советская власть во всем мире.

Лучше всех говорил на суде Димитров. Трудящиеся всего мира гордились стойкостью и смелостью коммунистов. Весь мир убедился, что рейхстаг подожгли сами фашисты. Суд вынужден был оправдать Димитрова, Попова и Танева.

Прошло пять месяцев после суда, но оправданные коммунисты все еще сидели в тюрьме. Друзья коммунистов боялись, что фашисты убьют тт. Димитрова, Попова и Танева.

Правительство Болгарии — страны, где родились эти три коммуниста, — не только не выступило на их защиту, но отказалось от них и запретило им возвратиться на родину.

Тогда советское правительство признало тт. Димитрова, Попова и Танева своими гражданами, и фашисты Германии вынуждены были отпустить их в Советский союз.

Московские пионеры выбрали Димитрова почетным пионером и подарили ему красный галстук.

Теперь Димитров, Попов и Танев будут отдыхать и лечиться в Москве. Их здоровье сильно подорвано в фашистской тюрьме.

На руках еще не зажили рубцы от кандалов. Но Димитров сказал за себя и своих товарищей:

„Мы будем бороться за пролетарскую революцию до последнего вздоха“.

мурзилка

ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

МАРТ 1934

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЕТГИЗ. Москва, Центр, 6/8. Тел. 71-86.

XX 63
11.

ВАСЬКА-ЛЕТЧИК

Рассказ А. Гольдберг
Рисунки В. Васильева

1

По широкому вязкому от весенней грязи полю двинулись шеренги пахарей.

К председателю колхоза Петру Семенычу подошел дед Архип и тихонько спросил:

— Семеныч, а Семеныч, а может засеем, как и всегда?.. Сорок лет я вручную сеял.

Петр Семеныч ничего не ответил; он хлопал старика по плечу и крикнул Ваську и Саньку:

— Вот что, ребята,— строго сказал Петр Семеныч.— Смотрите, не подкачайте. Назначил вас колхоз сигнальщиками.

Он вытащил из телеги два белых флага и дал ребятам.

— Сигнальщик — это не шутка, — продолжал Петр Семеныч.— Сигнальщик должен смотреть в оба. Как увидите самолет, так одним духом бегите сюда. Один станет здесь, а другой — по ту сторону поля, как раз напротив. И флагами подавайте сигналы.

Вася схватил флаг и во весь опор помчался на конец поля. Он, прыгая через борозды, спотыкался, падал, подымался и снова падал. „Успеть бы... успеть бы...“ выстукивало сердце. Васька прыгнул через широкую лужу, встал на место и поднял флаг над головой, как только мог высоко. Но на противоположном конце поля уже стоял Санька, помахиывая флагом.

— Ишь! Раньше успел! — разозлился Васька. Он поднял голову вверх и стал думать о том, как будут завидовать ему ребята, как положат ему за работу много трудовней, и больше не посмеют дразнить его за веснушки Кукушкиным яйцом.

Солнце поднялось совсем высоко, в небе журчал жаворонок, а самолета все не было. Рука у Васьки затекла, и он сам не заметил, как опустил флаг. Вдруг ему послышалось, что жужжит шмель.

— Эй, ты, сигнальщик, не зевай! — крикнул Петр Семеныч и приставил зонтиком

обе ладони к глазам. Далеко, на самом горизонте, блестящим стеклышком мелькнул самолет.

Пахари остановились в степи, подняв кверху головы. Над ними, в высоком небе, росло и ширилось гудение мотора. Самолет летел, постепенно снижаясь, сверкая на солнце металлической обшивкой.

По дороге из села бежали ребята и женщины. Они что-то кричали, но их голоса пропадали в шуме мотора. Вдруг что-то больно стукнуло Ваську по лбу и часто-часто застучало по лицу и рукам.

— Сеет! — крикнул Васька. — Пшеница! — закричал он, и маленькое пшеничное зернышко попало прямо ему в рот.

Самолет летел над полем к белому флагу Саньки, рассеивая на своем пути серебристую пшеницу. Помня наказ Петра Семеныча, Васька пробежал шагов пятнадцать вдоль пашни. Через минуту самолет повернулся и полетел прямо на Ваську. Он засеивал вторую широкую полосу пашни.

„Ишь, быстрый какой! — думал Васька, перебегая от борозды к борозде.— Весь участок враз засеет“.

Самолет поднялся ввысь, покружился над полем, и вдруг целая стая белых птиц полетела на пашню. Ребятишки с криком бросились ловить белые листовки, а дед Архип встал на колени, прямо на борозду. Издали нельзя было понять: не то нюхает, не то щупает землю.

Наконец он поднялся и смущенно посмотрел на пахарей, на женщин, на Петра Семеныча.

— Ну, как? — спросил Петр Семеныч.

— Как, как! По-хозяйски сеет, — нехотя ответил дед Архип, — з-рно к зерну... Сорок лет я вручную сеял, — добавил он раздумчиво.

— „Авиация на помощь сельскому хозяйству“, — вдруг громко прочел Вася листовку.

Вася во весь рост встал на печке и головой, как сквозь дым, прошел сквозь крышу. Над селом светило солнце; по улице, задрав вверх головы, бегали ребяташки. Васька поджал ноги, широко взмахнул руками и плавно взлетел на воздух. Из привязанного к его груди решета на дорогу, на избы, на ровную ленту реки потекла серебристая струя пшеницы.

— Зерно, зерно пропадает! — схватился Вася за решето и проснулся. В избе было полутемно, за окнами разгорался рассвет. Васька отыскал старые отцовские сапоги, пиджак, большую шапку-ушанку и стал одеваться. В шапку он бережно положил вдвое сложенную бумажку, захватил краюху хлеба и шмыгнул на улицу; у крайней избы он остановился и стукнул в оконце. Через минуту к нему выбежал Санька.

Санька пожал плечами, сплюнул сквозь дырку от зуба и сказал:

— Все равно не полетишь.

— Нет, полечу.

— Нет, не полетишь.

— Нет, полечу.

— Давай спорить.

— Давай спорить.

— На что?

— На удочку и три пуговицы.

— Все равно не полетишь.

— У меня бумага есть, — перекрыл Васька, решительно повернулся и пошел к реке.

— Увидим — сказал слепой, услышим — сказал глухой... Все равно не полетишь, все равно не полетишь!.. Пиголица! Кукушкино яйцо!.. — кричал ему вдогонку Санька.

Через реку Сакмару не было моста, а лодка была привязана на противоположном берегу. Васька залез в заросли сухой осоки и стал там шарить. Прошлой осенью ребята запрятали сюда самодельный плот. Плот лежал, разбухший от сырости. Несколько гвоздей из него выпало, и доски расшатались. Пыхтя, Вася стащил плот на воду. Быстрая вода подхватила и закружила его. Васька едва успел вскочить на шаткие доски. Доски скрипели и разъезжались под ногами. Васька рабстал багром изо всех сил.

Плот, словно норовистый конь, вздрагивая, неся по реке. Ветлы на берегах галопом бежали назад. Голые их ветви хлестали по лицу и рукам. Вася изловчился, подпрыгнул и повис на ветвях. Тяжелые сапоги тянули книзу, шапка налезла на глаза, но Васька упрямо передвигался по ветвям к берегу.

Плота на реке уже не было видно. Только в одном месте вода кружилась воронкой.

Вася поспешно снял шапку и посмотрел, там ли бумага. Она была на месте. Потом вытащил подмокшую краюху хлеба, подтянул штаны и бодро зашагал по степи.

Вдали через колючую проволочную ограду видны были крытые железом сараи. Из широко распахнутых дверей показалась большая светлосерая птица. Ограда тянулась в обе стороны, насколько мог видеть глаз. Васька сел на корточки и стал рыть руками землю под оградой. Он вырыл неглубокую яму, лег на землю ничком и пролез под ограду. Руки были черны от грязи, но Васька обтер их о штаны и напрямик двинулся к серому самолету.

Подле самолета никого не было. Только из круглого отверстия, что впереди, наверху, свешивались две длинные ноги в синих штанах и высоких сапогах. Васька обошел самолет кругом и подивился, что у него по сторонам по два крыла, одно над другим, а пропеллер из красного блестящего дерева. Ноги висели без всякого движения.

— Авдуг он не живой? — испугался Вася и тихонько дотронулся до блестящего сапога. Нога вздрогнула, чей-то голос крикнул:

— Эй, кто там?

Из отверстия показалось сначала туловище, потом вымазанные машинным маслом руки и наконец круглое румяное лицо.

— Вот так Кукушкино яйцо! — сказал пилот и рассмеялся.

„Откуда он знает?“ удивился Вася.

Он снял шапку и вытащил белый листок. Пилот взял бумагу за краешек и посмотрел:

— „Авиация на помощь сельскому хозяйству“... Ну?

Оба помолчали.

— Тебя что, прислали, что ли? — спросил пилот.

— Прислали, — не сморгнув, ответил Вася. Рыжие веснушки его еще больше покраснели. — Уже все поля за Высокой балкой вспаханы, — затараторил он, — а дед Архип для вас площадку сделал... И зерно подвезли... И Петр Семеныч велел кланяться. И... „Чего бы еще сказать?“ подыскивал Вася, а сердце у него стучало, будто молоток над ухом.

— И зачем тебя гоняли? — удивился пилот. — Мы письмо получили, вот собираюсь лететь к вам сеять.

Вася внимательно оглядел самолет, отыскивая сеялку, но никакой сеялки не было.

— Могу помочь сеялку грузить, — вдруг предложил Вася басом. — Ты не смотри, что я ростом не вышел...

Пилот рассмеялся, подхватил Васю подмышки и сказал:

— Вот здесь мое место, здесь место пассажира, а посередине... — он приподнял круглую крышку, и Вася увидел бак, доверху наполненный зерном.

— А где решето?

— Какое решето?

„Откуда сыплется“, — хотел сказать Вася, но пилот посадил его на корточки, и Вася увидел трубу, приделанную как раз под самым баком.

„Вот оно откуда сыплется“, — догадался он.

— Ты что, всегда кого-нибудь с собой возишь? — осторожно спросил Вася, покосившись на пассажирское место.

— Как придется, — подмигнул пилот. — Если человек не тяжелый, то можно.

— Все ребята даже удивляются, — как бы невзначай заметил вдруг Вася, — какой я легкий... Ужас какой легкий! Полтора пуда без одного кило чистого весу, — выпалил он.

— Чистого, говоришь?.. Это немного, — согласился пилот и вдруг встревожился. — А сапогами? Сапоги у тебя, брат, того... — и он пошел в сарай.

Вася переминался с ноги на ногу и придумывал, как бы ловчее упросить пилота взять его с собой.

— Что сапоги? Сапоги можно скинуть, — начал он и осекся...

Пилот нес охапку одежды. На голове у него были шлем и очки.

— Это для кого?

— Да так, один приятель поедет... Ужас какой легкий!

„Ну, пропало мое дело, — подумал Вася. — Ясно, своего повезет. И удочка пропала...“

Вася повернулся и, ни слова не говоря, пошел прочь. Слезы накали у него в горле.

— Ты куда? — крикнул пилот. — Пора садиться.

Вася обернулся и недоверчиво посмотрел на пилота...

„А приятель?“ — хотел он спросить, но не закончил и в один миг очутился у машины. От нетерпенья он никак не мог попасть в рукав широкого кожаного пальто. Через минуту он сидел на пассажирском месте, привязанный ремнем, надвинув на глаза большие выпуклые очки.

Неистово взревел мотор, и Вася почувствовал, как поле медленно стало уходить назад. Вася крикнул, но сам не услышал своего голоса. Игрушечными стали большие сарай и скоро исчезли из виду. Самолет поднимался ввысь. Ниточкой тянулась дорога.

По ней жуком полз грузовик, словно наклеенная стояла маленькая роща. Плоские разрисованные поля медленно уплывали назад.

И вдруг Вася увидел светлую ленту Сакмары. Родное село маленькими домиками прилипло к ее правому берегу.

Самолет стал снижаться. Быстрее назад побежали поля. Вон и стан. Самолет летел совсем низко. Толпой стояли колхозники и смотрели вверх. На краю поля Санька махал белым флагом.

— Са-нька! — пронзительно крикнул Вася. — У-доч-ка!.. Про-спо-рил!.. — Но Санька даже

не повернул головы. Самолет кружился над полем и медленно снижался к небольшой хорошо расчищенной площадке. Ребята с криком неслись к самолету, за ними бежали колхозники, женщины, дед Архип...

— Здравствуйте, товарищи колхозники, — сказал пилот. — Засыпьте-ка зерно, все вышло. — И он сткрыл крышку бака.

— А это кто с тобой будет? — спросил Санька осторожно, трогая пилота за рукав: что-то знакомое показалось ему в важной фигуре на пассажирском месте.

— Этот? Начальство, — шопотом сказал пилот. — Видишь, в очках...

„Это я!“ хотел крикнуть Вася, но в это время все обернулись к деду Архипу. Он пожимал руку румяному пилоту и говорил:

— Сорок лет я вручную сеял. Скажи, сделай милость, как она у тебя действует...

— Вот, товарищ объяснит, — указал румяный пилот на Васю. Он здесь специально для объяснения.

Вася, путаясь в полах пальто, слез на землю и снял очки.

— Васька, Васька! — заорали ребята. — Наш Васька!

А Санька шмыгнул в толпу, стараясь спрятаться за чью-нибудь широкую спину.

— Ты куда? — крикнул Васька. — Не спрячешься. Все равно удочка моя.

Потом он повернулся к самолету и, указывая на бак, сказал:

— Это называется бак, куда засыпают зерно, а это...

Все слушали внимательно, и веснушки на Васькином лице были так красны, как пятнышки на настоящем кукушкином яйце.

КАПЕЛЬ

Стихи Н. Венгорова
Рисунки В. Бордиченко

Тинь-тень!
Тинь-тень!
В солнышке
весь день.
В солнышке
спит сад,
все деревья
спят...

Тинь-тень!
Тинь-тень!
Оттепель
весь день.
Оттепель
моет лед.
Ручеек
поет...

Тинь-тень!
Тинь-тень!
Зяблики
весь день.
Зяблики
будят сад,
целый день
звенят...

Тинь-тень!
Тинь-тень!
Солнышко
весь день.
Солнышко
гонит ночь,
гонит зиму
прочь!

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

Посмотрите, ребята, на этот портрет.

Это Эдуард Багрицкий, замечательный советский поэт. Это он написал «Думу про Опанаса», рассказал чудесными стихами про гражданскую войну на Украине, про махновца Опанаса, про геройскую смерть коммуниста Когана.

Это он написал «Смерть пионерки» и книжку о соболе, которая называется «Соболиный след».

Возьмите в вашей школьной библиотеке эти книжки и попросите прочитать их. Поэта Багрицкого вы должны знать. Он прожил хорошую жизнь: молодость провел в Красной армии, бился за советскую власть и в походной сумке возил стихи, потому что он был красноармеец-поэт. Когда кончилась война, Багрицкий оставил свою винтовку и взял в руки перо и красный редакторский карандаш. Он писал о революции и учил молодых поэтов. Даже пионеры показывали ему свои стихи, и он

объяснял им их ошибки и радовался их удачам. Он знал хорошо жизнь рыб, породы и свойства их. В его комнате всегда стоял аквариум с рыбами, и поэт любил наблюдать их.

Последние годы он тяжело болел. Ему нельзя было много ходить, говорить, встречаться с людьми, бывать на собраниях, много работать. Но он был, несмотря на болезнь, такой бодрый и веселый, что жизнь сама приходила к нему — по радио, по телефону, в тысячах писем, в сотнях людей, которые шли к нему за советом, за помощью, за ласковым товарищеским словом.

16 февраля 1934 года он умер.

Но книжки его остались. Они стоят на полках наших библиотек, их читают миллионы советских людей, и советская страна не забудет своего поэта.

Совсем еще недавно Багрицкий написал для вас это стихотворение про медведя.

МЕДВЕДЬ

Покрытый бурой шубой,
коряжистый и грубый,
в малиннике сыром
он спит и дышит носом,
носит глазком белесым.
И тушей раздобревшей
он давит бурелом.
Когда перед зарею
в сосне заквохчет дрозд
и окунется в хвою
густая сетка звезд,
он встанет, носолапый,
он втянет воздух с храпом,
подымет, вздохнет,
страхнет с намокшей шкуры
малины листик бурый
и двинется вперед.

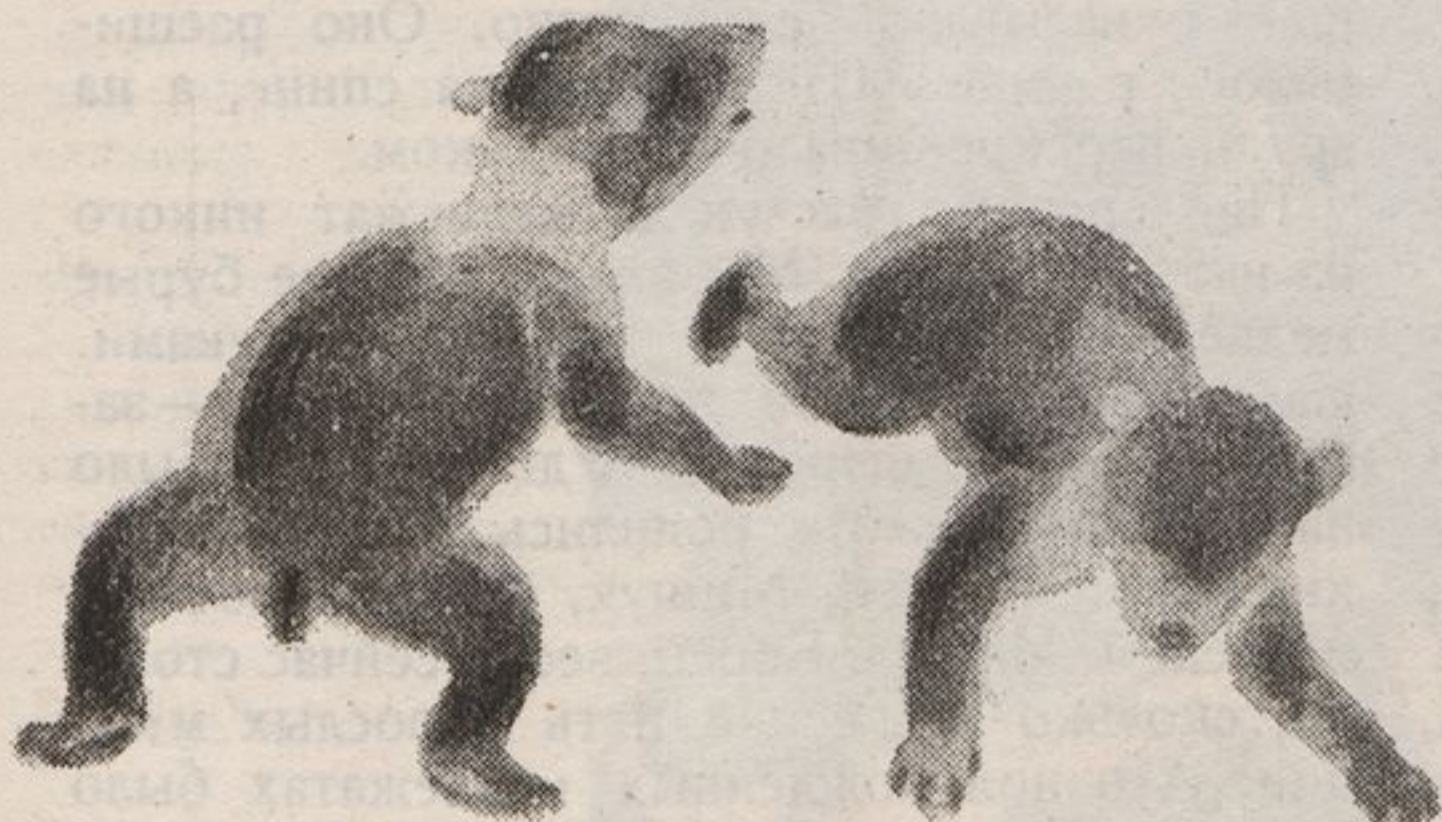
●
Я тоже не зеваю —
берданку снаряжаю
и в тишине ночной
неслышными шагами
сперва пройду овсами,
потом пройду болотом
и сяду над рекой.
— Иди, зевака сонный!
Верни мои патроны!
Иди! Иди! Иди!

●
Я слышу храп медвежий,
хрустенье лап широких...
Идет — и сердце режет
стучит в моей груди!

ВНУКИ БОРЦА И ПЛАКСЫ

(Из записок юного натуралиста)

Рассказ П. Арбатова
Рисунки В. Ватгина

Мишук, сын Борца и Плаксы, вырос на острове зверей, на одной площадке с молодыми кавказскими медведицами — Бертой и Зоей. Нынешней зимой, в самом начале января, делали мы обход острова и остановились у площадки Мишука.

Мишук почему-то не спал и ломился сквозь решетку в окно внутреннего помещения. А его подружки-медведицы лежали в луже подтаявшего снега.

Длинным железным шестом с факелом на конце отогнали мы Мишука от развороченной оконной решетки и направили факел на медведиц.

Медведицы ворчали и отмахивались от факела лапами. Мишук стоял неподалеку и поглядывал то на нас, то на подруг. Наконец Берта и Зоя поднялись на ноги, и мы увидели, что под Зоей копошатся два маленьких темных комочка.

Это были ее новорожденные медвежата.

На воле медведица залегает в берлогу всегда отдельно от медведя. До весны прячет она медвежат под собой. Придет весна, выведет медведица их из берлоги. Но пока не подрастут медвежата, зорко охраняет она их от встречи с лютым отцом.

Мишук заметил малышей. Злобным огоньком вспыхнули его заплывшие глазки. Решительной развальцей направился он к медвежатам.

Сейчас же наш факел переметнулся к Мишуку, и в медведя полетели палки, ледышки, комья снега.

Минуту Мишук постоял в нерешительности, потом повернулся к нам своим куцым

задом и побежал прочь, сверкая голыми пятками.

Служитель открыл дверь во внутреннее помещение. Мишук протиснулся в нее.

А мы поспешили вернуться к медвежатам.

Ведь кроме матери около них оставалась еще медведица Берта. Для Берты Зоины медвежата были чужие, и если бы мать зазевалась, Берта, конечно, растерзала бы их.

Зоя успела забрать одного медвежонка и тащила теперь его в нишу, под навес. Над вторым медвежонком, расставив тяжелые лапы, уже стояла Берта.

— Факел скорей, факел сюда! — закричали мы.

Берта перестала толкать медвежонка носом, торопливо схватила его зубами за шиворот и потащила. И как бы вы думали, куда? Она потащила его вслед за матерью.

Обе медведицы пошли рядом, бок о бок, и на ходу как бы о чем-то переговаривались. Зоя сквозь зубы встревоженно скулила, будто на что-то жаловалась. А Берта глухо ворчала, будто ее успокаивала.

Медведицы положили маленьких на снег и стали их вылизывать.

Было холодно, и на открытом месте медвежата могли замерзнуть. Мы зажгли еще несколько факелов, спустили с барьера к медведицам лестницу, перебрались на их площадку и огнем отогнали их от медвежат.

Потом мы подняли малышей и побежали с ними в закрытое помещение. По дороге мы взвешивали медвежат на ладони и внимательно их разглядывали.

Медвежата были бурые не сплошь. Их шею охватывало белое пятно. Оно расширялось в виде платка у них на спине, а на груди перекрещивалось галстуком.

Пионерский галстук у медвежат никого из нас не удивил. Мы знали, что все бурые медведи рождаются с такими галстуками. На втором году он пропадает у них — застает бурой шерстью. Удивительно было нам, что медвежата родились такие маленькие. Ведь их отец, Мишук, был порядочным медведем. Их дед, Борец, весил сейчас столько, сколько не весили пять взрослых мужчин. А в новорожденных медвежатах было всего по полкило веса. Слепые еще, с голыми, розовыми ушами, медвежата были уже очень цепкие. Мы подсунули под одного из них палец. Когтями передних лап медвеженок уцепился за него и так повис.

В одной клетке внутри острова зверей мы взбили гнездо из сена. В гнездо положили медвежат и пустили к ним Зою. Берте мы все еще не доверяли и потому загнали ее в клетку рядом. Однако Берта так ломилась к своей подруге, что кто-то из нас предложил: „Давайте спустим их вместе“.

Берта вбежала к Зое, лизнула ее в нос и пошла озабоченно обнюхивать углы клетки.

Почему-то один угол особенно понравился ей.

Она начала выгребать из-под Зои сено и перетаскивать его на новое место. Когда сена под Зоей уже не оставалось, Берта взяла Зою за шиворот, заставила ее переползти на новую квартиру, подсунула под нее медвежат и только тогда наконец успокоилась. Она протянулась рядом и так шумно вздохнула, словно хотела сказать: „Ох, и хлопот же с вами, друзья мои! Ну, теперь можно и отдохнуть“.

НЕВИДИМКИ

Рассказ А. Гайдара
Рисунки Д. Шмаринова

Среди соснового парка, на песчаном бугре, ребята, разбившись кучками, расположились на отдых.

Занимался каждый, чем хотел: одни, собравшись возле Натки, слушали, что читала она им о жизни негров; другие что-то записывали или рисовали, третьи потихоньку играли в камешки, четвертые что-то строгаля, пятые просто ничего не делали, а, лежа на спине, считали шишки на соснах или потихоньку баловались.

Владик Дашевский и Толька Шестаков разместились очень удобно.

Если они повертывались на правый бок, было слышно то, что читала Натка про негров. Если на левый, им было слышно то, что читал Иоська про полярные путешествия ледокола „Малыгин“. Если отползти немного назад, то можно было из-за куста, и очень незаметно, запустить в спину Кашина и Баранкина еловую шишку. И,

наконец, если подвинуться немного вперед, можно было кончиком прута достать до голых пяток башкирки Эмине, которая бойко обставляла в камешки троих русских девочек и загесавшегося к ним октябренька Косарикова.

Так они и сделали. Послушали и про негров, и про ледокол. Бросили две шишки в спину Баранкина. Одного только не решились — это провести Эмине прутом по пяткам, потому что заранее знали, что подпрыгнет она с таким визгом, как будто ногу еехватила собака.

— Толька, — спросил Владик, — а ты слышал, как ночью сегодня бабахнуло? Я сплю, вдруг бабах... бабах.. Как на фронте. Это корабли в море стреляли. У них маневры, что ли. Ты, Толька, фронт не помнишь? А я помню.

— Врать-то довольно, — равнодушно ответил Толька. — Тебе сейчас сколько лет?

Четырнадцать. А фронт в котором году был? В двадцатом.

— Ну и что же? Все равно помню. Мы жили тогда возле Брест-Литовска. Ты знаешь, где в Польше Брест-Литовск? Нет? Ну, так я тебе потом на карте покажу. Когда пришли красные,—этого я не помню. Ни боя не помню, ни красных не помню. Тихо пришли. А вот когда красные отступали, то очень хорошо помню. Грохот был или день, или два. И день и ночь грохот. Нас мать в погреб спрятала, меня да Юльку, да бабу Юзефу. Свечка в погребе горит, а бабка все бормочет, молится. Как чуть стихнет, мы с Юлькой наверх вылезем. Как загрохочет, мы опять — нырк в погреб.

— А мать где? — спросил Толька. — Ты все рассказывай по порядку

— Я и так по порядку. А мать все наверху бегаёт. То хлеб принесёт, то крынку молока достанет, то узлы завязывает. Вдруг к ночи стихло. Мы сидим, сидим — нет никого, тихо. Хотели мы с Юлькой вылезать. Толкнулись, а крышка погреба заперта. Это мать куда-то ушла, а сверху ящик поставила, чтобы мы никуда не вылезали.

Потом слышим, хлопнула дверь — это мать. Открыла она погреб. Запыхалась, сама растрепанная. „Вылезайте“, говорит.

Мы вылезли, а бабка не хочет. Не вылезит. Насилу уговорили ее. Входит отец с винтовкой. Как сейчас помню — лицо мокрое.

„Готовы? — спрашивает. — Ну, скорее!“

А бабка не идет и злобно так на отца ругается. И на пол плюет и на крест показывает. И ругается. И не идет.

— Чего же это она ругалась? — удивился Толька.

— Как отчего? Да оттого ругалась, зачем отец поляк, а с русскими красными уходит.

— Так и не пошла?

— Так и не пошла. Сама не идет, да еще и нас ухватила и не пускает. Отец как посадит ее в угол, так и села. Вышли мы на двор — да на телегу. А на дворе что делается! Ночь... По улицам войска идут, идут. Лошади, телеги, автомобили... Выехали мы за местечко — луны нет, а светло. Все горит и горит. Деревни горят. Ксендзов фольварк горит, костел горит... Это от снарядов. А потом как загрохочет опять!.. Ух, и загрохочет же, Толька! А дальше я что-то плохо помню. Тут как-то все смешалось. И как в Москву приехали, когда приехали и что было в Москве, — все это позабыл. Но вот когда мы с красными убегали, это я очень хорошо помню.

— Отец-то почему с винтовкой приходил?

— А он, Толька, в народной милиции был. Когда пришли красные, так у нас народная милиция появилась. Помещиков ловили и еще там разных... Как поймают, так и в ревок.

— Нельзя было отцу оставаться, — согласился Толька. — Могли бы, пожалуй, потом и повесить.

— Очень просто. У нас дедушка нигде не был, только в ревок рассыльным, и то год в тюрьме держали. А сестра у меня — ей уже сейчас двадцать восемь лет — так она и теперь в тюрьме сидит. Сначала посадили ее — три года сидела. Потом выпустили — три года на воле была. Теперь опять посадили. И уже четыре года сидит.

— Скоро опять выпустят?

— Нет, еще не скоро. Еще четыре года пройдет, тогда выпустят. Она в Мокотовской тюрьме сидит. Оттуда скоро не выпускают.

— Она коммунистка, Владик?

Владик молча кивнул головой, и оба притихли, обдумывая свой разговор и прислушиваясь к тому, что читала Натка о неграх.

— Толька! — тихо и оживленно заговорил вдруг Владик. — А что, если бы мы с тобой были ученые? Ну, химики, что ли. И придумали бы мы с тобой такую мазь, или порошок, которым если натрешь, то никто тебя не видит. Я где-то такую книжку читал. Вот бы нам с тобой такой порошок!

— И я читал... Так ведь все это враки, Владик, — усмехнулся Толька.

— Ну и пусть враки! Ну, а если бы?

— А если бы? — заинтересовался Толька. — Ну, тогда мы с тобой уж что-нибудь придумали бы.

— Что там придумывать! Купили бы мы с тобой билет до Шепетовки или до Столбцов...

— Зачем же билеты?—удивился Толька.— Ведь нас бы и так никто не видал?

— Чудак ты!—усмехнулся Владик.—Так мы бы сначала, не натершись, поехали. Что нам на советской стороне натираться? Доехали бы мы до Столбцов, а там пошли бы в поле и натерлись. Потом перешли бы границу. Стоит жандарм—мы мимо, а он ничего не видит.

— Можно было бы подойти сзади да кулаком по башке стукнуть,—предложил Толька.

— Можно,—согласился Владик.—Он, поди-ка, тоже, как Баранкин, все оглядывался бы, оглядывался, откуда это ему попало?

— Вот уже нет,—возразил Толька.—В Баранкина это мы потихоньку, в шутку. А тут так дернули бы, что, пожалуй, и не завертишься. Ну, ладно! А потом?

— А потом... потом поехали бы мы в Варшаву и прямо к тюрьме. Убили бы кинжалом одного часового, потом дальше... Убили бы другого часового. Вошли бы в тюрьму. Убили бы надзирателя...

— Что-то уж очень много убили бы, Владик!—поежившись, сказал Толька.

— А что их, собак, жалеть?—холодно ответил Владик.—Они наших жалеют? Недавно к отцу товарищ приехал. Так когда стал он рассказывать отцу про то, что в тюрьмах делается, то меня мать на улицу из комнаты отослала. Тоже умная! А я взял, потихоньку сел в саду под окошком и все до слова слышал. Ну вот, забрали бы мы у надзирателя ключи и отворили бы все камеры.

— И что бы мы сказали?—нетерпеливо спросил Толька.

— Ничего бы не сказали. Крикнули бы: „Бегите, кто куда хочет!“

— А они бы что подумали? Ведь мы же натертые, и нас не видно.

— А было бы им время раздумывать? Видят—камеры отперты, часовые побиты. Небось, сразу бы догадались.

— То-то бы они обрадовались, Владик!

— Чудак! Просидишь четыре года, да еще четыре года сидеть, конечно, обрадуешься. Ну, а потом... потом зашли бы мы в самую богатую кондитерскую и наелись бы там разных печений и пирожных. Я один раз в Москве четыре штуки съел. Это когда другая сестра, Юлька, замуж выходила.

— Нельзя наедаться,—серьезно поправил Толька.—Я в этой книжке читал, что есть ничего нельзя, потому что пирожные, они ведь не натертые, их наешься, а они в животе просвечивать будут.

— А ведь и правда будут!—согласился Владик. И оба они раслохотались.

— Сказки это все,—помолчав, сознался и сам Владик.—Все это сказки. Чепуха!

Он отвернулся, лег на спину и долго смотрел на небо, так что Тольке показалось, что он прислушивается к тому, что читает Натка.

Но Владик не слушал, а думал о чем-то другом.

— Сказки,—повторил он, поворачиваясь к Тольке.—А вот в Чехо-Словакии есть коммунист один. Он раньше солдатом был. Потом стал коммунистом. Так этот и без всяких натираний невидимый.

— Как невидимый?—насторожился Толька.

— А так. С тех пор, как убежал он из тюрьмы, три года его полиция ищет и все никак найти не может. А он то здесь появится, то там. В Львове он прямо открыто на собрании деповских рабочих выступил. Все так и ахнули. Пока полиция прибежала, а он уже полчаса проговорил.

— Ну и что же полиция? Ну и куда же он девался?

— А вот поди, спроси, куда,—с гордостью ответил Владик.—Как только полиция в двери, вдруг хлоп... свет погас. А окон много, и все окна почему-то распахнуты. Кинулась полиция к механику, а механик кричит, ругается. „Идите,—говорит,—к чорту. У меня и без того беда: кажется, обмотка якоря перегорела“.

— Так это он нарочно!—с восхищением воскликнул Толька.

— А вот поди-ка ты докажи, нарочно или не нарочно,—усмехнулся Владик и добавил уже снисходительно:—Рабочие прячут, оттого и невидимый. А ты что думал? Порошок, что ли?

Горчица

КТО ПРОЧТЕТ ОГОРЧИТСЯ.

(Этот журнал написан ребятами 4-й группы школы им. Лепешинского. „Мурзилка“ печатает некоторые рассказы из этого журнала.)

Ребята, всем нам известно, что в нашей школе не все еще благополучно в учебе и в дисциплине. Надо некоторых похвалить, но кой-кого и ущипнуть, как щиплет горчица язык. Горчица не только горчит и щиплет язык, но и придает вкус пище; поэтому мы и назвали наш журнал „Горчицей“, — чтобы не только ущипнуть, но и исправить отстающих. Надеемся, что с выходом „Горчицы“ наша группа станет образцовой и всем по вкусу.

Дед Кострома

(Рассказ)

Жил-был в СССР дед Кострома. Фамилия его была Яростный. Так его комиссар на фронте звал, потому что, когда они Кострому брели, он очень яростно бился. Был он старый большевик и мог в Совнарком ходить. Раз зашел он в Наркомпрос. Там ему рассказали про одну школу. Говорили: „Школа эта замечательная, дисциплина невиданная“. А в Наркомпросе в это время был один педагог этой школы, по фамилии Выясняев. Выясняев деду Костроме рассказал, что школа хорошая, но хулиганят ребята тоже. Дед Кострома решил посмотреть школу и пошел. Как только ребята его увидели, так будто им кто-то скомандовал — смирно. Ходят тихо-тихо. На урок вошел — тоже стало тихо. На перемене подошел он к Выясняеву и сказал: „Вы ошиб-

лись, у ваших ребят отличная дисциплина“. — „Эх, товарищ Яростный! — отвечает Выясняев. — Если бы всегда так было. Это они только тогда, когда гости приходят“. Тогда решил дед Кострома бороду и усы сбрить и учителем переодеться. Дали ему книгу, план урока, и пошел он на урок. Вдруг — залп. Это ребята стреляли, только вместо пуль были промокашки.

Тут сказал дед Кострома: — Во многих боях я бывал, а такого боя не видал.

Ребята притихли. Дед Кострома начал урок. Вдруг послышалось: шу-шу-шу-шу...

„Уж не газ ли идет?“ подумал дед Кострома; только газа не видно. Это девочки шушукались.

Вышел дед Кострома из класса и увидел, что у каждого класса сидят ребята.

— Зачем вы здесь сиди-

те? — спросил дед Кострома.

Оказалось что это ребята, из класса выгнанные. Удивился дед Кострома, да тут звонок.

Вдруг увидел дед Кострома — несут деньги.

— Зачем деньги несете? — спросил дед Кострома. — В театр хотите идти, или книги покупать? — И сейчас же увидел — ребята стали деньги ногой подбрасывать, в подчикалочку играть.

„Ну, не видал я такого странного употребления денег“, подумал дед Кострома и пошел к Выясняеву.

— Товарищ Выясняев, вы правы, только как бы это изменить?

— А так, товарищ Яростный, — отвечает Выясняев: — у нас теперь журнал „Горчица“ будет, он ребят подтянет.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

В школе имени Лепешинского объявлен конкурс на лучшую группу по драке. Контрольная драка состоится 30 февраля 1935 г.

Вожатый 3-го звена 4-го отряда покупает кляксы. Адрес: Школа имени Лепешинского.

Степа, пионер 4-го звена 4-го отряда, ищет собеседников-пустозвонов во время урока. Плата—один патрон за разговорчик.

Новое применение льда

Лед и снег давно приносили людям пользу. Эскимосы Гренландии строят из снега жилища. На льду хранят мясо и другие продукты. Но недавно во 2-м Обыденном переулке изобрели новый способ применения снега и даже льда.

Однажды 3-я группа „А“ наступала на 3-ю группу „Б“, но у наступающих не хватило снарядов, и 3-я группа „А“ начала отступать.

Вдруг — дзинь-дзинь!
Ребята прекратили игру и побежали к месту про-

исшествия. Оказалось, что бедный ни в чем неповинный снежок пробил стекло и остался лежать между рамами до весны, а может быть и до лета.

У снежинок нет умения управлять собой, но ребята могли бы управлять полетом снежков.

Создадим школьные журналы

Секретарь редакции журнала „Мурзилка“ распечатал толстый конверт.

„Дорогая „Мурзилка“. Шлю свое стихотворение „Весна“. Прошу его обязательно напечатать. Шура Иванова, 8 лет“.

В следующем конверте рассказ „Про белку“. И тоже с просьбой обязательно напечатать.

Сорок — пятьдесят таких рассказов и стихов получает каждый день редакция. Пишут ребята со всех концов Советского союза. Кроме того, все они просят помещать в журнале „Мурзилка“ побольше рассказов и стихов любимых детских писателей.

Журнал наш небольшой. В нем всего два печатных листа (32 страницы). Напечатать произведения всех ребят невозможно.

Для начала мы печатаем здесь детский журнал „Горчица“.

Это первый журнал, который нам принесли ребята.

Организуйте у себя в группах, отрядах литературно-художественные журналы. Помещайте в них свои рассказы, сказки, стихи и песни. Придумывайте сами загадки, шарады. Делайте в журнале рисунки.

Мы будем помогать редколлегиям журналов. Лучшие произведения из школьных журналов будем печатать в „Мурзилке“.

Ребята! Пишите нам свои отзывы о напечатанном здесь в журнале „Горчица“: что в нем по-вашему хорошо и что плохо.

Редакция

УЖАСНАЯ ВСТРЕЧА

М. Пришвин
Рисунки Р. Барто

Рассказ егеря

Это известно всем охотникам, как трудно выучить собаку не гоняться за зверями, кошками и зайцами, а разыскивать только птицу.

Однажды во время моего урока Ромке мы вышли на полянку. На ту же полянку вышел одновременно тигровый кот. Ромка был с левой руки от меня, кот — с правой, и так произошла эта ужасная встреча. В одно мгновение кот обернулся, пустился наутек, а за ним ринулся Ромка. Я не успел ни свистнуть, ни крикнуть „тубо“.

Вокруг на большом пространстве не было ни одного дерева, на которое кот мог бы взобраться и спастись от собаки, — кусты и полянки без конца. Я иду медленно, как черепаха, разбирая следы Ромкиных лап на влажной земле, на грязи по краям луж и на песке у ручьев. Много перешел я полянок, мокрых и сухих, перебрел два ручейка, два болотца, и наконец вдруг все открылось: Ромка стоит на поляне неподвижный, с налитыми кровью глазами; против него, очень близко — тигровый кот, спина горбатым деревенским пирогом, хвост медленно поднимается и опускается. Нетрудно мне было догадаться, о чем они думали.

Тигровый кот говорил:

— Ты, конечно, можешь на меня броситься, но помни, собака, за меня тигры стоят. Попробуй-ка, сунься, пес, и я дам тебе тигра в глаза.

Ромку же я понимал так:

— Знаю, ничтожная мышатница, что ты дашь мне тигра в глаза, а все-таки я тебя разорву пополам. Вот только позволь мне еще немного подумать...

Думал и я:

„Если мне к ним подойти, кот пустится наутек, за ним пустится и Ромка. Если по-

пробовать Ромку позвать... Что, если он перед тем, как послушаться хозяина, пожелает покончить вековые счеты его предков-собак с кошками? Очень возможно, что даже звук моего голоса будет сигналом к борьбе. Ромка разорвет кота, но сам лишится глаза и навсегда будет кривым и даже слепым“.

Долго раздумывать однако было мне уже некогда. Я решил начать усмирение зверей с разговора по-хорошему. Самым нежным голосом, как дома в комнате во время нашей игры, я назвал Ромку по имени и отчеству:

— Роман Василич!

Он покосился. Кот завыл.

Тогда я тверже крикнул:

— Роман, не дури!

Ромка оробел и сильнее покосился. Кот сильнее провыл.

Я воспользовался моментом, когда Ромка покосился, успел поднять руку над своей головой и так сделать, будто рублю головы и ему и коту. Увидев это, Ромка подался назад, а кот, полагая, будто Ромка струсил и втайне, конечно, радуясь этому, провыл с переливом обыкновенную котовую победную песню.

Это задело самолюбие Ромки. Он, пятясь задом, вдруг остановился и посмотрел на меня, спрашивая:

— Не дать ли ему?

Тогда я еще раз рукой в воздухе отрубил ему голову и во все горло выкрикнул бесповоротное свое решение:

— Тубо!

Он подался еще к кустам, обходом явился ко мне. Так я сломил дикую волю собаки.

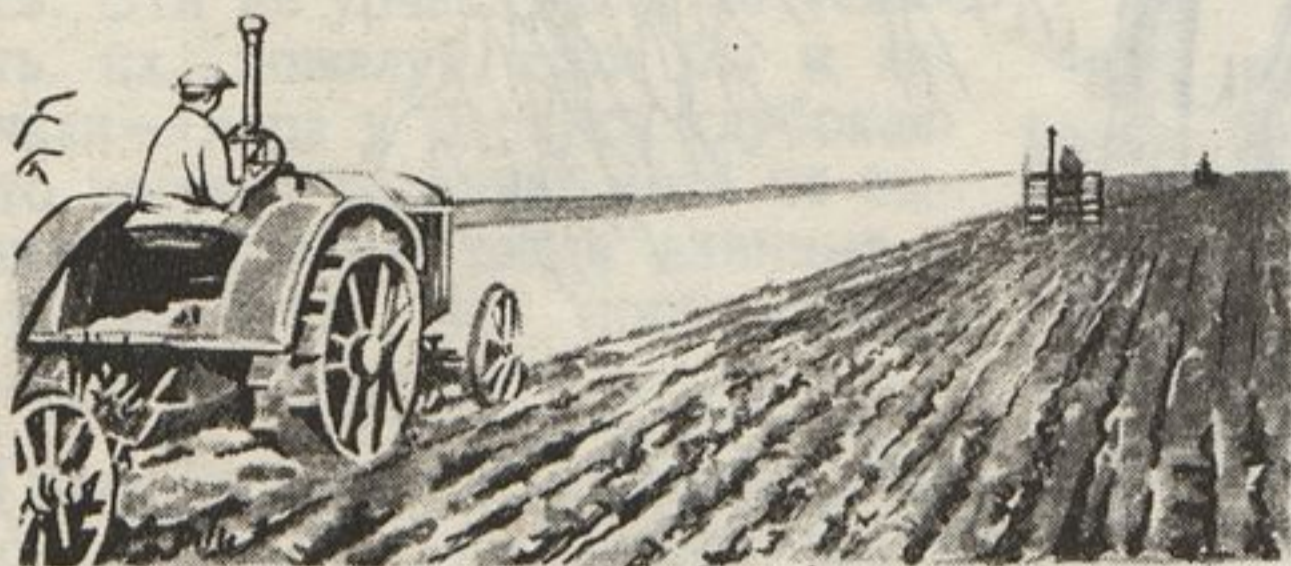
А кот убежал.

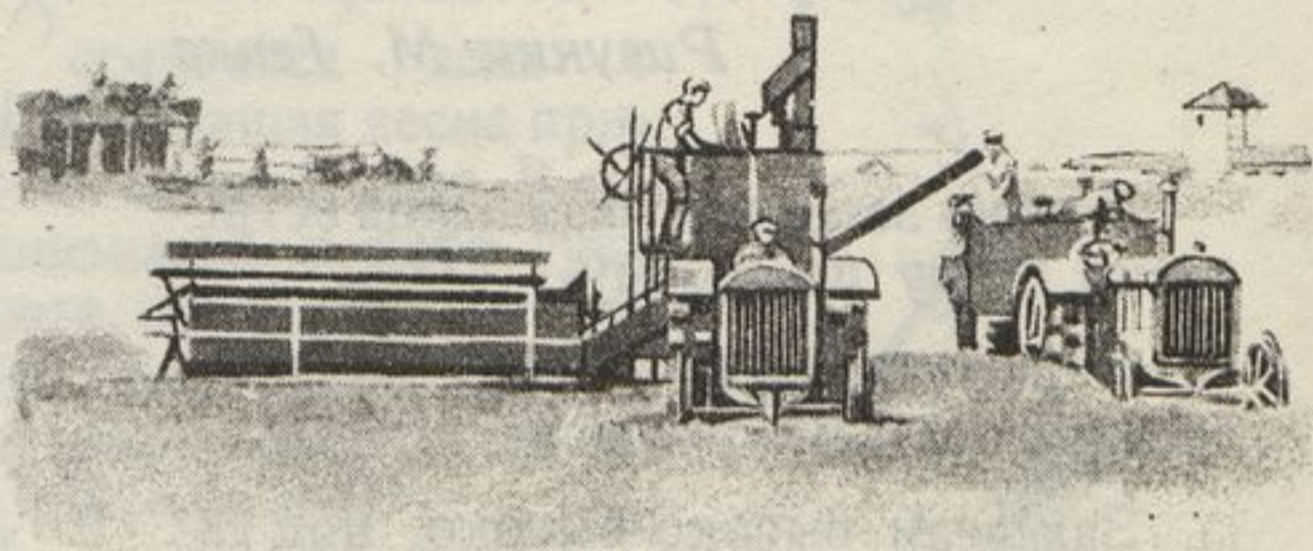
ТРАКТОР НА РАБОТЕ

На колхозных и совхозных полях СССР работает больше **200 000** тракторов, сделанных на наших заводах.

В России при царе тракторы были только у кулаков и помещиков. Да и работало-то всего 165 тракторов, привезенных из Америки.

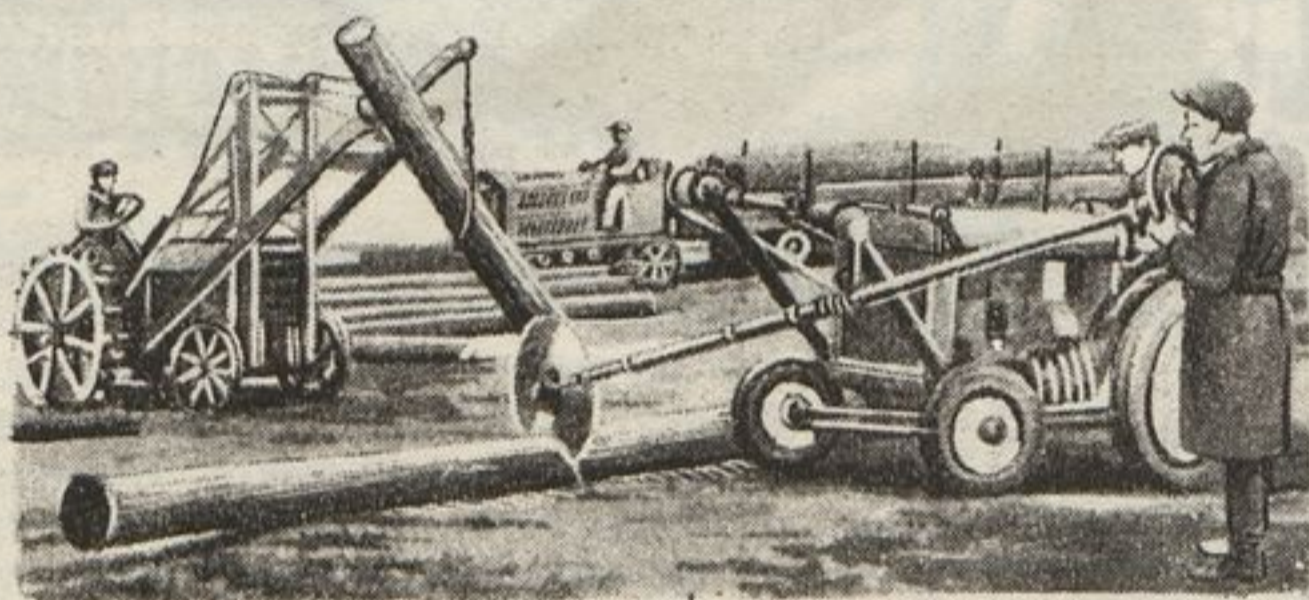

1. На этом рисунке трактор пашет землю трехлемешным плугом. Но трактор не только пашет, он и боронует, он и сеет, жнет, он и хлеб обмолачивает — приводит в движение молотилку. Трактор перевозит снопы, сено.

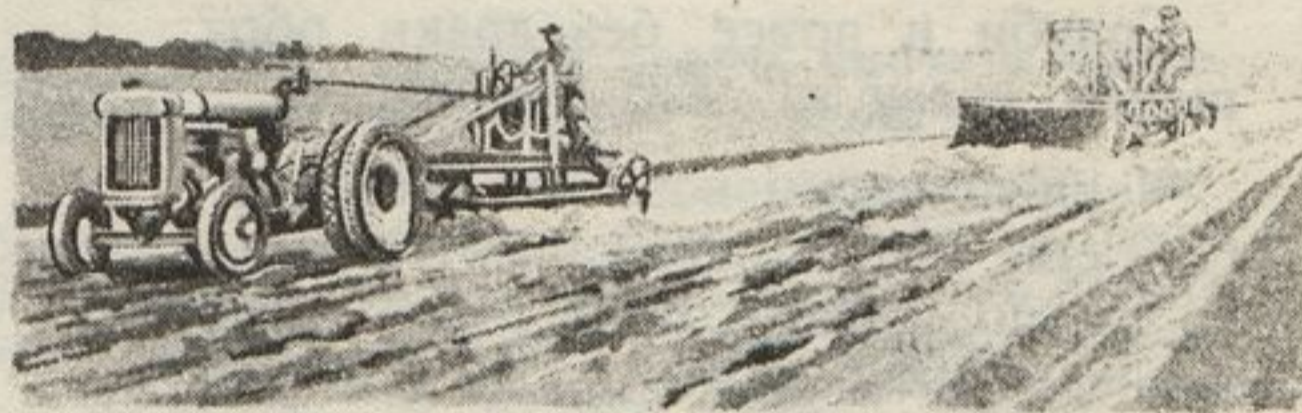

2. В больших колхозах и совхозах при помощи трактора работает особая машина, которая одновременно и жнет, и молотит, и сортирует, и сыплет зерно в мешки.

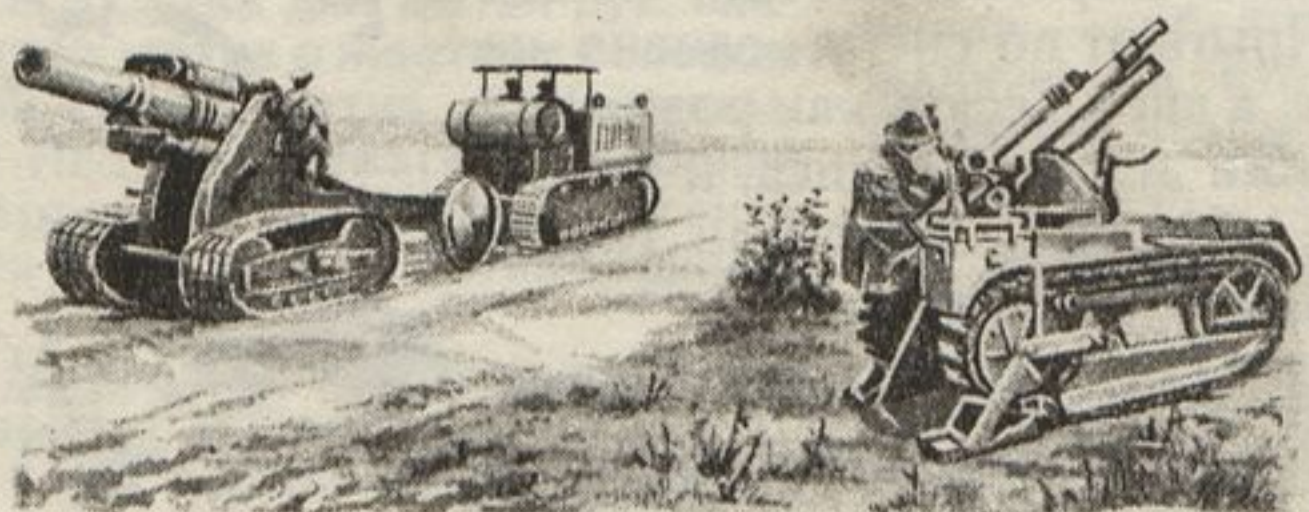
Машина эта очень большая и сложная, называется она — комбайн.

3. Трактор приводит в движение подъемные краны, экскаваторы. В лесу он выкорчевывает пни, расчищает и валит лес и распиливает бревна.

4. При помощи трактора строят дороги. Для этого к трактору прикрепляется машина — грейдер, которая срезает пласты земли и трамбуется дорогу. Трактор приспособляют для очистки дорог от снега; для пожарных машин он качает воду, осушает болота, разделяет торф, работает на мельницах и лесопилках.

5. Трактор применяется и в военном деле: для перевозки орудий, при постройке мостов, рытье окопов.

Весна в лесу

Рассказ Н. Плавильщикова
Рисунки М. Генке

Всякий зверь и всякая птица встречают весну по-своему.

Серые вороны начали с того, что принялись кувыркаться.

Залетели высоко-высоко, под самые облака. И вот там то кувыркаются, то одна вокруг другой кружатся, то поднимаются, то опускаются. Досыта накружились и накувыркались. Тогда и за гнезда взялись: кто старые чинить, кто новые строить.

Воробьи в небе не кувыркались: далеко воробью до облаков, не долетишь. Они просто по крышам и мостовым дрались.

Голуби и вовсе без драки обогнали: сразу за дело принялись.

Черный ворон всех их обогнал. Они еще гнезда налаживают, а у него гнездо давно готово. Мало того: в гнезде яйцо лежит, и на нем ворониха сидит. Нельзя слетать с гнезда: простынет на морозе яйцо. Вот и сидит ворониха, а ворон ей корм в клюве носит.

Синица петь начала. Сидит на ветке и заливается: „Зинь-зинь-трррр... зинь-зинь-трррр...“, будто выговаривает: „Скинь кафтан, весна пришла, тепло стало“. Гнездо не чинит. Она не лентяйка. Нет, просто ей рано еще чинить.

На утренней заре в глухом лесу начинает петь глухарь. Птица эта большая, чуть не с индюка. И поет же! За версту слышно! Не похожа глухарина песня ни на соловья, ни на синицу. Всякий по-своему поет.

Дятел, так тот даже не горлом, а носом работает. Заберется на обломанную осину и давай по ней

клювом колотить. Быстро-быстро колотит, всю голову отмотает. Так барабанит, что и не поверишь сразу: как это может небольшая птица столько шуму наделать?

Зайчиха успела народить зайчат. Прямо на снегу. Бойкие зайчата родились: в шерстке, смотрят во все глаза. Прыгают по снегу, словно не два часа, а дней десять как родились. А за ними и сова, и лиса, и хорек, и рысь охотятся. Долго ли глупого зайчонка схватить?

Белка тоже ребятами обзавелась. Ну, беличьим детям до зайчат далеко! Голые, слепые... Лежат в теплом гнезде и дремлют. Только и просыпаются, чтобы мать пососать. Насосутся и опять заснут.

У медведицы в берлоге тоже детская. Штуки три медвежат. Эти не просто сосут, а с музыкой. Сосут и урчат, урчат так, что издали слышно. Идешь и слышишь — словно где аэроплан летит. А это и не аэроплан совсем, а медвежата урчат.

И у барсучихи — барсучата. Уж порядочные, с месяц как родились. Эти не урчат. Да и не услышать их, пожалуй, если бы и заурчали — нора у барсука глубокая. Зато когти у барсучат хоть на выставку посылай — такие длинные и крепкие. Будет чем нору копать, когда вырастут.

Грачи прилетели. Бродят по проталинкам в поле, возле своих старых гнезд летают, и орут, орут... Хоть уши затыкай.

Жаворонок молчит. Петь ему еще рано.

По стволам деревьев первые мухи поползли. Сонные, слабые. Доползет муха до сухого местечка и греется на солнце. Пригреется, и так-то ей хорошо, что ничего не видит и не слышит. А из-за угла паук-бродяга крадется. Подкрадется и прыгнет... Цоп! Кончилась мушинная жизнь. А бывает и промахнется паук: слаб еще после зимней голодовки.

21 марта сравнялся день с ночью. Значит, настоящая весна пришла. Тут уж дело веселей идет. В лесу зяблики пинькают, в небе гуси кричат, на болоте, возле первых луж, чибисы бегают, хохолками трясут. А как увидят кого, взлетят и закричат: „Чи вы, чи вы?“

У березы сок двинулся от корней к почкам. Мать-и-мачеха цвести собралась — она рано цветет. А орешник уже и зацвел.

ВЫРЕЗАЙ—ПЕЧАТАЙ

Текст А. Абрамова

Рисунки К. Кузнецова

У нас с вами типографских машин нет. А печатать мы все-таки можем. И печатаем не хуже, чем в типографиях. Только заранее предупреждаю — есть один важный секрет: чистота. От чистоты рук зависит качество продукции.

Оборудование у нас совсем простое. Нужно достать в писчебумажных магазинах: 1. Особую кисть — она называется трафаретной. Так и просите: трафаретную кисть. 2. Тюбик масляной краски. Лучше взять не один тюбик, а несколько разных цветов.

Дома найдется:

3. Щетка для мытья рук, платяная щетка с жестким волосом или зубная щетка. 4. Ножницы. 5. Плотная бумага или тонкий картон. 6. Два куска стекла или жести. 7. Чистая тряпка. 8. Старая газета.

Когда все приготовили, беритесь за работу.

1. На кусок чистого стекла или жести от консервной банки выдавите немного краски из тюбика. Разотрите краску тон-

ким слоем. Это можно сделать ножом, только осторожно и аккуратно.

2. Вырежьте из бумаги квадрат, круг или звезду и положите одну фигуру на второе стекло.

3. Наберите краску на кисть. Только набирать нужно особым образом. Так, как обычно набирается краска, нам не годится. Трафаретную кисть держите стоймя и побейте ею по пластинке с краской, как будто палкой утрамбовываете землю. Так всегда работают трафаретной кистью.

4. Когда краска наберется, таким же способом, — утрамбовывая, — набейте кистью наложенную на стекло выкройку. Следите, чтобы краска легла равномерно.

5. Набитую краской выкройку снимите осторожно ножом со стекла и положите на сложенную вчетверо газету. Сверху накройте листом бумаги, на котором хотите сделать отпечаток. Но на сухой бумаге печатается плохо. Ее нужно

сначала слегка смочить влажной чистой тряпкой.

6. На смоченную бумагу наложите еще один сухой лист и основательно побейте платяной щеткой или крепко потрите ручкой зубной щетки. На влажной бумаге остается точный отпечаток выкройки. Бумага быстро высыхает, и никто не подумает, что все так просто сделано.

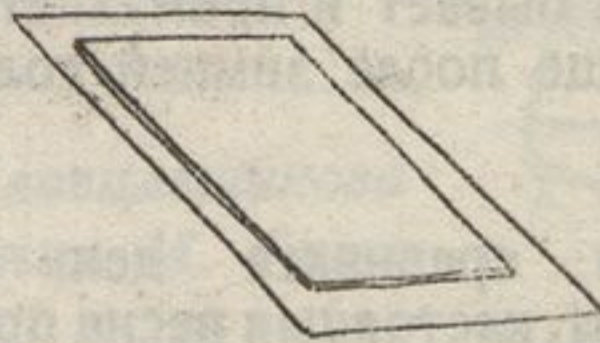
Вот и все.

В настоящих типографиях работают почти так же. Там тоже есть выкройки — их называют клише. Только у нас клише бумажные, а там деревянные, цинковые или из линолеума. Правда, вместо кисти и щеток там все делается валиками и не руками, как мы с вами, а машинами.

Некоторые рисунки в журнале напечатаны на цветных фонах. Это можно сделать разными способами. Можно просто печатать на цветной бумаге или приготовить бумагу самим. Делается это так:

щетка,

два куска жести

трафаретная
кисть,

на трафаретную кисть набирается какая-нибудь светлая краска. Ею набивается лист бумаги. Не обязательно брать только одну краску. Можно набить этот лист в несколько

цветов, как у нас. С этого листа делается на влажную бумагу первый отпечаток. Когда этот первый отпечаток фона высохнет, на нем дорисовываются выкройки. Так мож-

но получить печать в несколько красок.

После работы кисти нужно вымыть керосином, иначе они засыхают и портятся.

Редколлегия: Асеев Н., Барто А., Маршак С., Смирнова В., Степанова А., Шифрин Н.

Ответств. редактор Н. Венгров.

Оформление Веретенников В.

Уполном. Главлита № Б—36616

Заказ 692

Тираж 130.000

Типография изд-ва „Крестьянская газета“. Москва, Суцеская, 21.